

Шейнфельд Антон Игоревич

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В ЯПОНИИ:
ТРАДИЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

Специальность 23.00.02 - политические институты,
этнополитическая конфликтология, национальные
и политические процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Нижний Новгород

2007

Работа выполнена на кафедре политологии
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского

Научный кандидат исторических наук, доцент
руководитель: **БУЛКИНА Людмила Вячеславовна,**

Официальные доктор политических наук
оппоненты: **КАПТЕРЕВ Сергей Евгеньевич**

доктор исторических наук, профессор
СЕРГЕЕВ Виктор Михайлович

Ведущая Мордовский государственный
организация: университет

Защита состоится 27 июня 2007 года в _____ часов на заседании
Диссертационного совета Д-212.166.10 при Нижегородском государственном
университете им. Н.И. Лобачевского по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул.
Ульянова, 2., факультет международных отношений ННГУ им. Н.И.
Лобачевского, ауд. 315.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
Нижегородского государственного университета по адресу: 603950, г. Нижний
Новгород, пр. Гагарина, д. 23, корп. 1.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2007 года.

Ученый секретарь

Диссертационного совета

доктор исторических наук, профессор

Корнилов А.А.

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

В настоящее время особый интерес в рамках политической науки представляет изучение политических процессов - различных сообществ в переломные периоды истории последних - как единого процесса модернизации и механизмов её реализации. Отметим, что в контексте теории модернизаций исследование именно японского сообщества выглядит особенно интересно. Так, например, качественные переходы от одного типа к другому наглядно проявляются в японском обществе: такими модернизациями в японской истории стали «реставрация Мэйдзи» (60-е годы XIX в.) и послевоенное развитие Японии в XX в. Однако, с другой стороны, модернизации в Японии крайне специфичны в рамках теоретического определения: до XIX в. Япония являла собой чистый рецидивирующий тип (т.е. не имела возможностей совершить качественный рывок в виду специфических особенностей своего развития); в последующий период вошла в число догоняющих государств; сегодня же является второй державой в мире по экономическим показателям. Тем не менее, японский опыт являет пример более чем успешного процесса модернизации в обоих случаях.

Актуальность темы исследования определяется научно-теоретической и практической значимостью проблем выявления и определения механизмов политической модернизации и обусловлена следующими обстоятельствами:

Во-первых, актуальным для современной политической науки является рассмотрение социально-политических и социально-экономических процессов, законотворчества и политических решений в рамках теории модернизаций. Анализ собственно политической модернизации позволяет выявить её устойчивые принципы и механизмы осуществления.

Во-вторых, рассмотрение политической модернизации Японии актуально в особенности, т.к. японские модернизации практически не несут в себе деструктивных в социально-политическом плане черт, как правило, свойственных любым переломным периодам.

В-третьих, попытка рассмотрения интересующего предмета одновременно с различных сторон научного знания, свободная от односторонней

тенденциозности (например, только материально-экономического, только религиозного или только политического характера), представляется вполне своевременной и научно оправданной. Такой подход способствует расширению и углублению представлений и знаний о специфике японских политических процессов в частности и японской цивилизации в целом.

Степень научной разработанности темы.

Основой исследования стали труды по смежным научным направлениям. Это как исследования по политологии, так и исторические, культурологические и экономические труды. Сопоставление научных выводов разноплановых работ даёт возможность делать новые интересные выводы и отыскивать новые ходы в исследовании. Итак, в исследовании особенностей становления, формирования и развития японского политического сознания были использованы результаты исследований Э. С. Кульпина, Ю. Берндта, А.Н. Игнатовича, Н. М. Брагиной, Т. Сакайя. Можно сказать, что в этих трудах рассматривается японская культура и японское сознание, как самостоятельные явления, без чёткой ориентации на сугубо политический или сугубо экономический аспект. В сборнике статей «Человек и мир в японской культуре» исследуется японское мировосприятие, понимание окружающей действительности, равно как и место самого человека в этой действительности, через анализ памятников искусства и особенностей японского быта. Кульпин Э.С. в рамках методологии цивилизационного подхода исследует природно-географический фактор, как один из решающих в формировании японского сознания и общества. Близкими понятиями оперирует и японский исследователь Сакайя Т., так же выдвигая в качестве первичного фактора исторического развития Японии уникальные географические особенности острова. Однако отметим, что именно объект исследования Сакайя наиболее близок к настоящей теме: из природно-географического детерминизма он выводит не только культурные особенности японского сообщества, но также политические и экономические.

Сделанные в этих трудах выводы могут составить опорную базу в изучении японского менталитета и политического сознания и помогут сделать следующий шаг – «спроецировать» ментальные особенности на другие процессы, а именно на процессы политические.

Вторая группа исследований – статьи и монографии экономической направленности. Эти работы носят достаточно разноплановый характер, и, если часть из них (исследования 50х – 60х годов) содержит мысли и выводы во многом уже известные исследователю восточных сообществ, то некоторые авторы зачастую высказывают свежие идеи; подобная разноплановость освобождает последующих исследователей от тенденциозности и необъективности. Как и в случае с трудами по изучению политико-культурной специфики Японии, существующие исследования имеют достаточно узкую направленность и не соотносятся с темой настоящей диссертации напрямую. Так, например, «Японские монополии во время второй мировой войны» Лукьяновой М. И. и «Монополистический капитал Японии («дзай-бацу»)…» Певзнера Я. Х. посвящены анализу экономических механизмов японского общества в означенный период времени. Для настоящей работы видится крайне важным использование выводов сугубо экономических исследований, но не в чистом виде, а в качестве проекции на политические процессы модернизации. Применение уже имеющихся наработок вышеупомянутых авторов в области экономического развития Японии в ракурсе настоящей темы даёт возможность для постановки комплексных задач и поиска интегрированных решений в изучении экономических и культурных механизмов политических процессов модернизации.

Рассмотрение политической модернизации в контексте традиционных механизмов её реализации на уровне диссертационного исследования в российской политической науке ранее не осуществлялось.

Исходя из вышеизложенного:

Объектом исследования являются политические модернизации, происходящие в японском обществе, в ходе его развития.

Предметом исследования являются традиционные механизмы реализации процессов модернизации в Японии, рассматриваемые сквозь призму японского национального характера, а также социальных, культурных, экономических и иных процессов японского общества.

На основе имеющейся в распоряжении исследовательской литературы в отдельных областях научного знания, таких как политология, история, социология, культурология, экономика, вполне уместна постановка и формулировка синтезированных целей и задач в рамках политологического исследования.

Цель исследования – выявление роли традиционных механизмов в осуществлении политической модернизации японского общества.

Для достижения указанной цели в диссертации поставлены следующие исследовательские **задачи**:

- 1) выяснение специфики японского политического сознания в качестве традиционного реализующего механизма политических модернизаций и выявление характерных его черт;
- 2) определение модели политического поведения в модернизационных процессах в разные периоды существования японского общества;
- 3) рассмотрение политического поведения и политического сознания в качестве ключевых традиционных механизмов политической модернизации в Японии;
- 4) установление причин конструктивного и эффективного функционирования этих механизмов политической модернизации на протяжении японской истории.

Методологической основой диссертации являются:

- *Теория политической модернизации.*

Использование методов теории модернизаций видится адекватным и обоснованно приемлемым при изучении японского общества и политических процессов Японии. Особое место в рамках теории модернизаций категории постмодерна для настоящего сочинения неслучайно: в дальнейшем предполагается необычная трактовка этой категории, применительно к японским политическим процессам.

Следует заметить, что в 1970-80-е годы теория модернизаций была подвергнута критике, как с эмпирической точки зрения, так и в теоретическом плане именно из-за того, что многие утверждения противоречат историческим реалиям. Отмечалось, что попытки модернизировать общество зачастую не приводили к желанным результатам, нищету в отсталых странах не удавалось преодолеть, появлялись диктаторские режимы и т. п. Япония же, в нашем случае, как раз показательна как пример положительного опыта.

Кроме этого, современные проблемы политической науки создают ситуацию, в которой необходимо обращаться к «симбиозу» различных теоретических основ.

- *Теория политической коммуникации.*

Ключевым методологическим элементом теории коммуникаций в настоящем исследовании является подход, заявляющий коммуникацию в качестве доминирующего звена по отношению к информации. Коммуникация рассматривается в качестве конститутивного фактора поведения и деятельности людей, а не как простой обменный процесс между отправителями и получателями информации. Информационные средства – в самом широком смысле, в том числе массовые и политические, – как раз и играют конститутивную роль в коммуникации, создавая иллюзию единственного познаваемого мира, и способствуют познанию действительности, предположительно независимой от самого общения. Будучи продуктом коммуникации, информационные средства отображают её социальную организацию.

Особую значимость для настоящего сочинения этот подход приобретает ещё и потому, что именно коммуникативные особенности японской политической действительности оказываются оригинальными и нетрадиционными для западных моделей коммуникации, в то время как непосредственно информация зачастую оказывается схожей.

Таким образом, в настоящем исследовании, при рассмотрении коммуникационных механизмов политических модернизаций в Японии, мы

исходим именно из этого утверждения и рассматриваем политическую коммуникацию именно в качестве формы осуществления коммуникации массовой.

Особый интерес представляет использование теории модернизаций и теории коммуникаций в условном «симбиозе», поскольку они не только не противоречат друг другу, но и в известной степени дополняют друг друга: фактически совместное использование этих теорий позволяет одновременно рассматривать и политические процессы модернизации как таковые, и информационно-коммуникационную среду этих процессов – таким образом, появляется возможность создать более объективное, непротиворечивое представление об исследуемом предмете.

- *Общетеоретические установки цивилизационного подхода при рассмотрении фундаментальных образующих факторов политики.*

«Цивилизационный подход» или теория цивилизаций, возникает в XVIII в., неразрывно связанна с деятельностью и творчеством шотландского просветителя Э. Фергюсона и прошла целый ряд этапов в своём развитии. Среди исследователей, сыгравших первостепенную роль в создании методологии цивилизационного подхода, следует назвать О. Шпенглера, М. Вебера, А. Дж. Тойнби, Э. С. Кульпина, Л. Февра, С. Хантингтона, Н. Я. Данилевского.

По определению Н. И. Смоленского, методология теории цивилизаций «есть разновидность ... мышления, рассматривающая историю как совокупность самостоятельно и независимо друг от друга протекающих процессов».

Однако главную причину невозможности использовать принципы и методы цивилизационной парадигмы в чистом виде, на сегодняшний день, составляет её незавершённость. Теория цивилизаций ещё не обладает устоявшимся и признаваемыми всеми без исключения исследователями принципами, категориями и методами. Поэтому, в нашем случае, логичнее было бы говорить о применении элементов цивилизационного анализа в исследовании.

- *Общетеоретические положения этно-психологической школы с акцентом на трансформациях политического сознания.*

Некоторые базовые понятия этнопсихологии и социологии, достаточно ясно разделяемые, будучи применёнными к представителям европейских цивилизаций, в нашем случае оказываются более пластичными и взаимно схожими. Сикевич З. В. характеризует менталитет как «своеобразное социально-психологическое ядро самосознания любой общности». Национальное самосознание, в сравнении с менталитетом, она определяет как более устойчивое: «оно сохраняется, пока существуют осознаваемые его носителями границы «группового членства»». Менталитет же, по мнению Сикевич, подвержен трансформациям и сильным изменениям под воздействием тех или иных факторов (социальных, политических, экономических и др. кризисных ситуаций). Однако отметим, что в истории Японии подобного разрыва между этими двумя понятиями (менталитет и национальное самосознание) не наблюдается. Дело в том, что кризисные моменты и соответствующие им коренные переломы в жизни и мышлении японцев (имевшие место в японской истории дважды: в XIX в., в период т. н. «реставрации Мэйдзи», и после Второй Мировой Войны во время американской оккупации территории Японии в 1945-1955 гг.) вовсе не оказали того разрушительного воздействия на менталитет и не привели к «появлению многочисленных форм маргинального и отклоняющегося поведения», о которых говорит Сикевич. Неоспорим тот факт, что всё это время, а особенно в период следующего коренного перелома в истории Японии, в послевоенное время XX в., японский тип мышления менялся и трансформировался. Однако это было именно формирование, конструктивное изменение ментальности, но никак не ломка: все последующие глобальные изменения в экономической сфере были подготовлены уже оформившимся или, по крайней мере, заканчивающим оформляться современным японским типом сознания и мышления. Исходя из вышесказанного, в дальнейшем не будет проводиться резкая грань между понятиями «менталитета», «этнического характера» и «национального самосознания» в отношении японской

цивилизации.

В диссертации использованы такие **методы исследования** как:

- *Системный подход*, который использовался при анализе совокупности социально-политических процессов в Японии в модернизационные периоды в неразрывной связи с другими сферами жизни общества (экономической, социальной, культурной).

- *Метод сравнительного политологического анализа* использовался при изучении динамики изменения основных характеристик японского политического дискурса и влияния этого изменения на политические процессы;

- *Структурно-исторический подход* применялся для вычленения основных параметров изменения политической ситуации в различные временные отрезки японской истории;

Подобная совокупность методов дает возможность провести комплексный анализ научной проблематики.

Эмпирическую базу исследования составили:

- законодательные акты американских (в послевоенные годы) и японских властей, Конституция Японии от 11 февраля 1889г., Конституция Японии от 3 ноября 1946 г., созданная на основе прежней Конституции Японии и требований американских властей, возглавляемых генералом Маккартуром, экономические программы (Доджа, Шоупа и др.), законодательные акты современной Японии, программы политических партий;

- мемуары и очерки политических и экономических лидеров Японии, учёных-политологов, историков и экономистов;

- художественные произведения японской поэзии и прозы различных исторических периодов; графическая японская проза (манга) политического содержания; игровые и анимационные видео-источники различных политических эпох.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что:

1) Выявление уникальных особенностей функционирования традиционных механизмов политической модернизации является оригинальным в рамках политологического исследования.

2) Исследована ключевая роль политического сознания и политического поведения в процессах политической модернизации, а так же впервые рассмотрено совместное их функционирование в качестве фундаментальных традиционных механизмов.

3) В исследовании впервые предпринята попытка выделить в рамках архаичного, традиционного политического сознания Японии черты – аналогичные политическому сознанию эпохи «постмодерна». Данный феномен является уникальным и «естественным» механизмом политической модернизации.

Практическая значимость исследования состоит в том, что:

- Анализ процессов политической модернизации происходит через исследование внутренних традиционных механизмов общества.
- Результаты исследования будут использованы в учебном процессе в виде специальных курсов и включения отдельных тем в основные курсы для студентов-политологов, историков, социологов и культурологов.
- Выводы диссертации могут быть использованы для построения моделей политической модернизации с использованием традиционных механизмов в России.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Традиционные механизмы политической модернизации – политическое сознание и политическое поведение – в Японии постоянно связаны между собой через дискурсы (коммуникационные рычаги). Эта связка остаётся неизменной на протяжении всей японской истории вплоть до эпохи постиндустриального общества.

2. Выявлены черты традиционного механизма модернизационных процессов в Японии – политического сознания, аналогичные чертам западного

политического сознания эпохи «постмодерна».

3. Устойчивая и неизменная связка традиционных механизмов политического сознания и политического поведения обеспечила эффективное осуществление двух модернизаций японской политической системы (политическая модернизация «Мейдзи Исин» и политическая модернизация послевоенных лет XX в.).

4. В конце XX в. в Японии выявлен феномен, когда классическое западное мышление «постмодерна» сталкивается с традиционным японским, обладающим аналогичными чертами. В результате внутренние дискурсивные связи между традиционными механизмами модернизационных процессов – политическим сознанием и политическим поведением – претерпевают серьёзные изменения. Происходит спад темпов развития общества, и отсутствуют явные черты политической модернизации на современном этапе.

5. Для конструктивной адаптации дискурсивных связей политического сознания и политического поведения в современных геополитических условиях применяются уникальные коммуникационно-мобилизационные механизмы – новая система управления и менеджмента и уникальная массовая культура.

6. В подобной гармонизации дискурсивных связей внутренних традиционных механизмов видится путь дальнейшего эффективного осуществления политической модернизации.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и одобрена на заседании кафедры политологии Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. Теоретические положения, предложения и рекомендации, содержащиеся в диссертации, излагались автором на II внутривузовской научно-практической конференции «Регионоведение: теория и практика» (Нижний Новгород, 2003г.), на III внутривузовской научно-практической конференции «Регионоведение: теория и практика» (Нижний Новгород, 2005г.), на IX Нижегородской сессии молодых учёных «Голубая Ока» (Нижний Новгород, 2004г.) и отражены в авторских публикациях.

Цель и задачи исследования сформировали **структуру диссертации** и логику изложения материала. Диссертационное исследование включает введение, три главы, заключение, список использованных источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, анализируется и оценивается степень и уровень её научной разработанности, формулируется цель и определяются задачи исследования, а также объект и предмет исследования, характеризуются его научная новизна и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту, описываются методологические позиции диссертанта, даётся анализ источников и обзор отечественных и зарубежных исследований, используемых в работе, содержатся сведения об апробации результатов исследования, а также о структуре диссертации.

В **первой главе «Традиционные механизмы политической модернизации в Японии: факторы формирования и специфика проявления»** японское политическое сознание проанализировано как фундаментальный традиционный механизм политических модернизаций, а также исследовано становление социально-политических отношений в Японии. Были выявлены фундаментальные отличительные особенности этого сознания в рамках ключевых понятий цивилизационного подхода (и в контексте классического понимания восточного «иррационального» сознания), а так же теории модернизаций (и, особенно, в контексте феномена постмодернистского сознания):

1. Уникальное, острое ощущение и восприятие времени и пространства – особенность островной культуры.
2. Особое, внутреннее осознание этических правил и поведенческих норм, как явления исключительно естественного, исходящего от природы и самого факта жизни.
3. Тесная и неразрывная связь, как в сознании, так и на практике, всех сфер

жизнедеятельности японцев и их глубокое переплетение.

4. Чувство гармонии и почти бессознательное стремление к ней во всех жизненных ситуациях, вне зависимости от окружающей обстановки.

5. Символизм японской жизни и главное – абсолютная неотделимость объекта символики от её субъекта.

Выделенные черты менталитета, приобретают вполне конкретное значение в сфере политического сознания. Можно говорить о том, что человек находится в особом внутреннем тайном договоре с окружающим его миром: с природой, с людьми, с государством. Руководствуясь принципом сиюминутной справедливости, он всегда поступает так, как удобно ему, при этом всегда оставаясь с чистой совестью и сознанием собственной правоты. И именно благодаря подобному отношению и мировосприятию, оказываются реальными те политико-экономические процессы, о которых упоминалось. Феномен гармоничного сочетания традиционного и инновационного проявляется не только в современном индустриальном и постиндустриальном обществе Японии, но и в ранние периоды японской истории.

В главе доказано, что упомянутые черты явились образующими факторами для всей эволюции японского политического сознания, в том числе – для безболезненной трансформации его в модернизационные периоды японской истории, т.е. для сохранения его устойчивости в качестве реализующего механизма.

Далее выведена особая «гармоническая» специфика «переломных» моментов в истории Японии. В обоих случаях модернизационные процессы в Японии протекали на базе уже подготовленного и оформившегося (в плане адекватного восприятия изменений) политического сознания. Этот немаловажный факт позволил утверждать, что именно в перечисленных выше особенностях японского сознания и ментальности кроются причины подобной спецификации процессов модернизации.

Анализ фундаментальных свойств ментального механизма модернизационных процессов приводит к феноменальному парадоксу, что

минимум пять из выделенных особенностей политического сознания японцев полностью соответствуют ключевым особенностям постмодернистского политического сознания. Эти особенности:

- острое ощущение и восприятие времени и пространства;
- «фрагментарность», «клиповость» восприятия социально-политической действительности;
- «эkleктика» и «гибридизация» – тесная и неразрывная связь, как в сознании, так и на практике, всех сфер жизнедеятельности японцев и их глубокое переплетение;
- «участие в игре» – принцип тайного договора;
- «карнавализация» – символизм жизни и абсолютная неотделимость объекта символики от её субъекта.

Иными словами, подобный парадокс даёт возможность предполагать, что японское общество, возможно, являлось носителем «квазипостмодерна» в своём политическом сознании задолго до того, как стало являться носителем постмодерна в социально-политической действительности, равно как и задолго до появления самого понятия постмодерна на Западе вообще (как и в сознании, так равно и в действительности).

Наконец, отмечена относительная постоянность и неизменность японской ментальности: как политического сознания вообще, так и упомянутых черт в отдельности. К периоду новейшей истории и постиндустриального общества Япония приходит с теми самыми ментальными императивами, которые доминировали на протяжении всей истории японского общества. Это очень важный момент настоящего исследования – в методологическом и теоретическом плане – поскольку японский политико-ментальный конструкт принципиально отличается от традиционной модели эволюции политического сознания, принятой в этно-психологической традиции и предложенной Сикевич З.В., которая говорит о ментальности как о неустойчивом к различного рода социальным и политическим трансформациям общества и самого сознания, в сравнении, например, с национальным самосознанием. Но в связи с тем, что в

случае Японии принципиально разделить национальное самосознание и менталитет невозможно (фактически они представляют одно целое), а так же в виду перманентного проявления изначальных фундаментальных характеристик сознания в любой период политической истории, японская ментальность и политическое сознание представляются постоянными и устойчивыми к различным социально-политическим катаклизмам, в том числе и к политическим процессам модернизации.

Установлено, что при очевидном в западных коммуникационно-политических моделях тесном пересечении понятий политического сознания и политического поведения, в японской модели взаимодействие этих категорий качественно теснее и глубже. Такое качественное слияние политического сознания и поведения, жёсткая их связь, судя по всему, возникает в результате специфического дискурсивного характера японской ментальности, особенности которого были выявлены в настоящей диссертационной работе. Как было установлено, наиболее адекватной и приемлемой для анализа японского политического дискурса следует считать интеракционную теорию коммуникаций, в виду её полноценного и наибольшего соответствия японской дискурсивной модели. Именно здесь наиболее чётко выявляется тот социально-культурный и политический аспекты семантического фона японской коммуникации – а именно уже обозначенное ранее свойство отсутствия трансцендентности, – который и воплощает «атрансцендентное» стирание грани между алгоритмизированным кодом (т.е. установленными символическими принципами) и свободной инференционной коммуникацией (т.е. живой мыслью и речью) – как в политическом сознании японца, так и – через дискурс – в его политическом поведении.

В виду означенных дискурсивных особенностей выяснено, что к началу политических процессов модернизации в истории японского общества были сформированы чёткие и определённые нормы политического поведения, постоянно находящиеся в жёсткой привязке к особенностям политического сознания, которое точно так же фундаментально оформилось к переломным

моментам истории.

Во второй главе «**Действие традиционных механизмов в условиях трансформации политической системы в Японии**» рассматривается сущность политического поведения и политического сознания непосредственно в ходе процессов политических модернизаций в Японии.

Исследование трансформации политического поведения в условиях первой модернизации Японии XIX в., привело к выводу, что политическое поведение, равно как и ценностно-ментальные установки, в ходе этой модернизации также остаются в целом неизменными и традиционными, обрастая новыми дискурсивными элементами лишь внешне. Происходит это по той причине, что политические процессы Мэйдзи носили полноценный модернизационный характер лишь в социально-экономической сфере, однако же, в социально-идеологическом и политико-поведенческом аспектах носили во многом декоративный и декларативный характер.

В отличие от «Реставрации Мэйдзи», модернизация послевоенного периода XX в. затронула куда более глубокие социально-политические отношения и уже не являлась «декоративной» в идеологическом смысле. Несмотря на то, что все осуществлявшиеся оккупационными, а затем японскими властями реформы восстанавливали всю инфраструктуру и социально-политическую жизнь практически с нуля, все они проводились на подготовленной веками почве политического сознания и поведения.

Независимо от того, носили ли реформы во многом декоративный характер (как в случае с модернизацией Мэйдзи) или же целиком существенный (как в случае с послевоенной модернизацией) – всегда первейшим механизмом этих процессов оказывались жёстко связанные между собой традиционные сознание и поведение. Так же установлено, что при неизменном политическом сознании и менталитете японцев, модель политического поведения точно так же остаётся неизменной. Даже серьёзное проникновение западного дискурса с ментально-поведенческие связи в послевоенные годы не меняет существенно

поведенческую модель, поскольку сама эта модель – изначально предполагает проникновение в себя инородных императивов.

Это подтвердило гипотезу о том, что традиционная политическая ментально-поведенческая связка проявляет себя очень похоже на ментально-поведенческую нынешнего общества постмодерна, которая точно так же, благодаря своей эклектичности, легко приемлет всяческое проникновение извне. К эпохе постиндустриального общества Япония приходит с неизменными ментальными императивами и устойчивой моделью политического поведения, которые пронесла через всю свою историю. Бурное развитие страны, позволившее говорить о японском экономическом «чуде» и вхождении страны в число сильнейших держав мира, во многом оказалось возможно именно благодаря особой поведенческой восприимчивости и тем чертам сознания, которые уже неоднократно выделялись и отмечались.

Третья глава диссертационного исследования «**Модели применения традиционных механизмов политической модернизации в современном японском обществе**» посвящена рассмотрению современных моделей реализации модернизационных процессов в Японии.

К концу XX в. наблюдается существенный спад темпов развития общества, экономическая рецессия и другие негативные проявления.

Последствиями бурного роста тяжёлой промышленности стало масштабное загрязнение окружающей среды, ограниченность ресурсов, на чём сказались пределы дальнейшего расширения производства. В условиях полной занятости появился дефицит трудовых ресурсов, особая нехватка молодёжи на рынке труда. Диспропорция в размещении производства: в центре страны была его чрезмерная концентрация, север же Японии оставался депрессивной областью. Проблемы этого периода серьёзно отличаются – именно в дискурсивном, коммуникационном контексте – от ранее рассмотренных событий двух модернизаций в виду того, что традиционное японское политическое сознание, сохранявшееся в неизменном виде долгое время, обладает рядом характерных особенностей сознания постмодерна, каковое только начинает

оформляться в XX столетии. Таким образом, в эпоху постиндустриального общества в дискурсивной модели Японии мы предположительно имеем дело со столкновением условно двух типов постмодернистского сознания: западного сознания «классического постмодерна» и некоего традиционного сознания «условного постмодерна» Японии.

На примере процессов принятия политических решений Японией в новых геополитических условиях установлено, что традиционное японское политическое поведение оказалось «между двух огней»: с одной стороны, оно пытается модернизироваться в индивидуалистичной структуре новых политических отношений, с другой стороны, оно всегда скатывается к традиционному желанию консенсуса и согласия, которое в нынешних условиях оказывается не самым эффективным инструментом. В то же время западный мир с одной стороны ищет конструктивного взаимодействия и взаимозависимости с Японией (в контексте информационного общества постмодерна), а с другой – требует от Японии большей самостоятельности в политических решениях, как это подобает современной развитой державе.

В результате возникает кризис понимания сути вещей и нежелательный дискурсивный и коммуникационный дисбаланс в ментально-поведенческих связях японского общества и государства. Таковой дисбаланс видится одной из немаловажных причин возникшего в конце XX века спада темпов социально-экономического роста в Японии.

Появляется серьёзная необходимость в поиске новых коммуникационных рычагов для устранения этого дисбаланса, равно как и нового универсального политического дискурса, который адекватно описывал бы картину мира в условиях столкновения двух разнонаправленных постмодернистских типов мышления. И Япония создаёт такие инструменты. Ими становятся новая уникальная система управления и феноменальная, не имеющая аналогов, массовая культура.

При рассмотрении феномена «кэйкэй» – уникальной модели японского управления делается вывод, что такая модель явилась способом «примирить»

сходные, но движущиеся в противоположных направлениях модели постмодернистского политического сознания и устранить существующий дисбаланс дискурсов. Однако, как и другие попытки реформировать застоявшуюся систему, эта методика управления так же была эффективна лишь отчасти и лишь на время. С другой стороны, более чем успешный своевременный пример использования японского менеджмента непосредственно в экономической сфере продемонстрировал возможность сосуществования конгломерата управленческих моделей в условиях глобализации.

Несмотря на очевидную частную уникальность японской системы управления, так же понятно, что любое общество в условиях кризиса (или просто нежелательных тенденций развития) пытается породить новые методы управления и контроля. Однако для создания нового общественного дискурса, который обеспечивал бы эффективную и адекватную связь политического сознания и политического поведения (каковой существовал в Японии с самого начала вплоть до вступления общества в эпоху постмодерна), необходимы двусторонние инструменты коммуникаций – не только управление «сверху», но и некие коммуникационные рычаги отдачи, адекватной реакции населения. Этот момент принимает особую окраску именно в контексте японского традиционного политического сознания, где ключевым свойством является подсознательное признание норм и правил и «естественное» следование им.

Таким мобилизационным рычагом коммуникаций явилась современная японская массовая культура. Ключевое место здесь занимает визуальная культура (манга), в частности мультипликация (аниме) и предшествующие ей комиксы. Это вызвано тем, что «иероглифическое» сознание японца настроено на восприятие «картинки», цельного графического образа-символа, нежели печатного слова. Так же здесь проявились такие две принципиальные черты японского политического сознания (а равно и западного постмодернистского сознания), как фрагментаризм («клиповость») и смешение субъекта и объекта того или иного символа.

Выделено политическое значение манга. В виду изначальной установки японского сознания на восприятие образа, картинки, привычные для европейской культуры типы средств массовых и политических коммуникаций и наиболее эффективные на Западе – периодическая печать, публицистика – в Японии феноменальным образом оказываются менее влиятельными, чем те же комиксы. И если на Западе комиксы с момента своего появления и по сегодняшний день воспринимаются главным образом как явление исключительно массовой культуры, то в Японии манга затрагивает практически все сферы человеческой деятельности (в частности, школьные учебники, инструкции по эксплуатации техники на заводах, некоторые политические журналы и газеты) и является ключевым фактором коммуникаций в японском обществе.

Аниме и манга рассмотрены в настоящей диссертационной работе в контексте теории «Вызова и Ответа» Дж. Тойнби. Можно говорить о том, что «ответ» японской массовой культуры на «вызов» западной, оформился ещё задолго до появления самого «вызова», поскольку обладал чертами, являющимися ключевыми для японского сознания в целом. Однако проявление в феномене новой японской анимации или аниме характерных ментальных черт ещё не делает аниме тем феноменом политического сознания, каким оно является по сути. Для японцев аниме всегда было большим, нежели просто массовая культура. И именно в эпоху модернизации в Японии массовая культура демонстрирует ещё один ключевой японский принцип, во многом так же являющийся традиционным для японской ментальности, однако никогда ранее не проявлявшийся в подобных масштабах. Назовём его принципом *суйвизма* (от фр. *suivre* – следовать, внимать), означающим приверженность общности определённому объекту, предмету, некое единение на основе этого объекта. Именно эта особенность японской массовой культуры – неразрывная связь с ментальностью людей – постепенно превращает японский «ответ» в самый настоящий «вызов» западной цивилизации.

Выделен главный политический аспект японской анимации, как социального и ментального феномена. Мобилизационные особенности массовой культуры для политического сознания Японии явились интегрирующим фактором японского общества в виду взаимной обусловленности менталитета и политических процессов. Во многом в этом процессе так же проявляется действие одного из ключевых принципов японского сознания – переплетения различных явлений, что и даёт возможность говорить о такой обусловленности. Именно благодаря этому принципу всеобщей зависимости явлений в японском обществе и японском сознании и возникает ситуация, в которой такое далёкое от политической сферы явление как анимация приобретает особый статус и возможность не только влиять на политическое сознание, но и быть для него одним из образующих факторов.

Рассмотренные дискурсивные механизмы политического поведения (управление и массовая культура) имеют различную динамику и по-разному соотносятся с динамикой западной ментально-поведенческой модели. Если система японского управления принципиально отличалась от аналогичных систем Запада, в условиях разнонаправленности двух столкнувшихся постмодернистских типов сознания (классического западного и условного японского), то с массовой культурой дело обстоит иначе. Стремление к эклектике и смешению высокого и низкого, элитарного и массового, политического и культурного и т.д., являлось динамической чертой не только японской массовой культуры (да и культуры вообще), но и столь же прогрессирующим аспектом западной культуры постмодерна.

В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования и формулируются основные выводы. Ответ на главный вопрос диссертационного сочинения о специфике образующих механизмов реализации политических процессов модернизации, можно сформулировать следующим образом.

Принимая во внимание важность всех иных причин, главной причиной успеха политических модернизаций в японском обществе на протяжении всей её истории видятся особые свойства политического поведения и политического

сознания – как регулирующих механизмов политических процессов; ключевое свойство – наличие в политическом сознании японца в ранние периоды истории черт сознания постмодернистского. Парадокс заключается в том, что постмодерн в сознании возникает в тот период, когда сама социально-политическая структура была ещё очень и очень далека от постмодерна. Отсюда, на наш взгляд, и проблемы в сферах политики и экономики, когда структура вошла-таки в период постмодерна.

Иными словами, постмодерн существовал в политическом сознании японцев на заре их цивилизации в некоем своём уникальном виде. Когда же на современном этапе этот, «сугубо японский», «традиционный» постмодерн сталкивается с иным постмодерном – «классическим», «европейским» – такое столкновение оказывается единственным, что способно вызвать дисбаланс в стройной системе японских процессов модернизации, а так же породить новую, меняющуюся модель политического поведения. И для восстановления баланса в связке политического сознания и политического поведения (которая, как уже стало очевидно, является основополагающим элементом модернизационных процессов) используются различные коммуникационные механизмы дискурсов, такие как массовая культура или система управления.

В подобных поисках гармонизации дискурсивной связки политического сознания и поведения, на наш взгляд, и кроется истинное значение эффективных модернизационных процессов.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Шейнфельд, А. И. Дискурсивные рычаги политических коммуникаций: система управления и массовая культура (на примере Японии). // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Международные отношения. Политология. Регионоведение». Выпуск 2. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2006 (0,3 п.л.).

В других изданиях:

1. **Шейнфельд, А. И.** Об особенностях японского менталитета. // Регионоведение: теория и практика: сборник статей – Нижний Новгород: Издательство исламского медресе «Медина», 2003 (0,6 п.л.).
2. **Шейнфельд, А. И.** Массовые коммуникации и политическое сознание в Японии (на примере японской анимации) // Материалы 9-й Нижегородской сессии молодых учёных «Голубая Ока». – Нижний Новгород, 2004 (0,3 п.л.).
3. **Шейнфельд, А. И.** Политическая модернизация в Японии: внешние и внутренние факторы успеха. // Регионоведение: теория и практика: сборник статей. – Нижний Новгород: Издательство исламского медресе «Медина», 2005 (0,6 п.л.).
4. **Шейнфельд, А. И.** Факторы вызова и ответа в политических процессах Японии в послевоенные годы XX в.: причины успеха. // В сборнике статей Политические институты и процессы современной России. – Нижний Новгород, 2005 (0,6 п.л.).
5. **Шейнфельд, А. И.** Массовая культура как мобилизационный фактор политических коммуникаций: пример Японии. // Информационно-коммуникационные измерения политических процессов: сборник статей. – Нижний Новгород, 2006 (0,6 п.л.).